

ФОРТЕПИАННАЯ МУЗЫКА

сонеты к сонатам

1. ПРЕЛЮДИЯ

Уметь коснуться края красоты
и отступить в огонь преображенья;
укрыться в зеркале уединенья;
в себе заметив новые черты,

застыть, чуть отшатнувшись в удивлени,
и вдруг услышать с этой высоты
всё, чем дышал и прежде ты,
но что таилось где-то в отдалении...

Гигантская затрепетала сеть!
И кажется, что легче умереть,
чем ускользнуть от буйства этих звуков...

И в пламени сонатного огня
вздывается и снова для меня
суровый мир в святых творится муках.

2.

Владимиру Киносьяну

Рояль больным, рояль безумным станет.
Огнём исполнится его душа!
Он в нас ворвётся, сокрушая ставни,
Не уставая пальцами дышать...

Теперь — ничто не проскользает мимо.
Его не опрокинуть — раскалён!
Как листья распускает клён,
так песнь его — неумолима.

В нём — всё распахнуто: и почки, и лучи;
распахнуты — ворота, строки, лица...
ручьи и сучья, сосны и грачи —

всё наяву! Здесь и не пахнет снами.
И жизнь спешит в сонатах раствориться,
чтоб всем дыханием остаться с нами.

3.

Моим дочерям Виолине и Юлии

Бездонные сгустились тени.
И — отодвинулись огни.
Лишь пальцы — в клавишах — одни
души нащупывают уравниенье.

Да! — математике сродни
такая степень приближенья
к тому, что не дано постичь!

Чью тайну Фауст знал когда-то,
и Лист, вздымающий сонату...
И тот взыскующий вопрос
(среди гибельных утех и грёз):

«Как жить, чтоб ЗВУК был не запятнан?»
(пусть — хаос и безумье рядом) —
никто не в силах исключить!

4.

Едва сонатная руда
истает средь ночных берёз,
и обнажится смутный торс
почти остывшего труда,

как явно слышится тогда
седого Брамса отдалённый голос!
Казалось, ночь вдруг раскололась,
как льдина посреди пруда...

Он говорил:

– Тот ясный тон,
каким всегда искрился Моцарт,
найти никто из нас не сможет...

Что ж! Так писать мы не умеем,
так будем же, по крайней мере,
такими ж чистыми, как он!

5.

Как чайки северной протяжный
терпкий крик
порой пронзает ледяное крошево,
так в души наши песней Сольвейг
брошено
пронзительное слово: Григ.

Седой мечты касаясь осторожно,
над прахом долгих лет поник старик...
И тысячи сердец внезапно перемножены
на море сосен и гвоздик!

В глубоких фьордах нет томления прибоя,
во взгляде их стальном —
нет южной теплоты:
холодных
волн
размерен бег...

Но мрачный пурпур скал
над синью пустоты,
но Халлинга огонь,
морской простор и воля —
в аккордах григовских слились навек.

6.

Мы привязаны к чуду.
Верим юной траве.
Голубому верблюду
на ребячем столе.

Голубому экрану.
И экрану морей...
Нас терзает упрямо
белый клин журавлей.

В лязге лестничной клетки,
второпях, как и всюду,
вдруг откроется дверь –

словно утренний ветер,
донесётся Равель...

Верим этому чуду.

7.

Упала тихая луна.
Над миром вырос век двадцатый.
Взошли иные имена,
иные обнажились даты.

Рояля гордая волна
вдруг запрокинулась куда-то,
и снова вспыхнули сонаты –
бушует в клавишах война!

Стравинский. Барток. Хиндемит.
Равель. Прокофьев. Вила-Лобос.
(И всяк – своих кумиров чтит!)

Стальной в груди зажётся свет.
Взметнулся музыкальный глобус...
Но миг – и вдребезги разбит!

8. АЛЬБАН БЕРГ

*Композитор умер от отравления,
вызванного укусом обыкновенной мухи.*

Какая муха укусила
того, кто звуком загрузил?
Кто, смутные напрягши силы
в себе Сонату пробудил?

Какая муха укусила,
чтоб, не пройдя и полпути
и в траур обратив чернила,
в Сонату **вечную** сойти?

Унять не в силах свой порыв,
«Какая укусила муха?!» –
терзаем мы порой друг друга...

Когда лишь музыка – в ответ,
мы, вдруг прозрев и поостыв,
поймём: последний вспыхнул свет.

9. ПОСТЛЮДИЯ

Аккорды Шуберта блистали
печалью неземных дождей...
Казалось: чуть раздвинешь день –
иные распахнутся дали.

В ручьи и в шум лесов одень
упругость фортепьянной стали! –
Надежды вновь затрепетали;
в душе обрушился плетень.

И – в путь! в глубины свежих истин!
Вся музыка теперь – им отдана.
И замыслы горят. И с каждым
днём – ветвистей!

Но сколько б я ни пел –
мне не достигнуть дна.
Здесь не хватило бы и сотни жизней,
но нам дарована – одна.

10.

Уходит Микеланджело Буонарротти.
Суровый молот. Лик... Или стезя.
(Единым звуком охватить нельзя
ту поступь, что всегда – в полёте...)

Уходит Мастер, вечность обрета.
Что высится в безумствующей ноте?
Кто нам дарует сокращенье плоти,
во имя Духа – душу бередея?

Мы утром тяжело ступим на крыльцо;
нежнейший мотылёк ожжёт лицо
(и, словно Хлебников, прошепчет:

«Я такович») –

и посреди душевных смут
в нас вдруг проглянет Шостакович
трагически высок и мудр.

САД В ЕССЕНТУКАХ

пять сонетов

КЛАССИЧЕСКИЙ ФОНТАН

Кипящий луч, упругой высоты
коснувшись, в бесконечном удивленьи,
крутыми гроздьями взметнувшейся воды
завис над бездною
прозрачного мгновенья.

В спокойном ужасе обратного движенья
Застыли обнажённые сады
журчанья тихого
и, словно в сновиденьи,
замедленно
вкусили
пустоты.

Что ищет взор твой, устремлённый внутрь,
среди журчаще-трепетной агавы?
Смешливый мальчик, мокрый и нагой –
что слышишь ты, задумчиво-лукавый,
В размеренном скольженьи этих струй?

...Что нас влечёт? Движеньё – иль покой?

ЛУЧНИК

Стрела дрожащая нацелена в зенит,
и тетива уже огнём горит;
В себе незримый преступник порог,
весь – в небо устремлён, застыл стрелок.

В суровой жажде опрокинуть рок,
он дерзостно-надменный принял вид.
Безумец! Оглянись на свой исток –
стрела ещё в руке, а уж назад летит!

Один лишь миг – и будешь пригвождён
булавкой огненной на этом самом месте.
Пронзая небо, метишь не в себя ль?!

Искрится в нетерпении вертикаль
натянутой стрелы: слепец, ты обречён!
И чем верней рука, тем гибельней
возмездье.

КЛАССИЧЕСКАЯ АРКА

В эгейском сне угасла даль моста.
В пучине синей – Буйвол Золотистый...
И вдруг открылась, мраморно чиста,
нагая простота эллинской мысли.

Прозрачна мысль. Прозрачна чистота.
Прозрачен свет.
Прозрачен воздух листьев.
И корни скал. И таинство Креста.
И звуки звёзд... И ответ вечных истин.

Но ЭТОТ миг! Бездонен и един –
чем дышит он? Какими небесами
откликнется его двоичный луч?

В какую тьму душевных толщ и круч,
(и мук!) упрётся – неисповедим?
Что там внутри? И что – над нами?

КЛАССИЧЕСКАЯ РОТОНДА

Двенадцать беломраморных лучей
взметнули в небо изумлённый купол.
И хаос – в беспредельность убыл,
и ясность осветила суть вещей.

Студёной свежести забил ручей.
Душа воспрянула. Затрепетали губы.
И – заново рождён тот, кто душою грубой
угас давно, – заброшенный, ничей.

Холодный полый каменный цветок.
Сплетение тяжёлых, влажных теней.
Здесь воздух движется,
как бесконечный вздох,
Рождённый тихим ионийским садом...

В листе математических растений
заката свет и обновление – рядом.

Вечерний дрозд кромсает червяка.
Червяк упорный роет лабиринты.
Старик-скрипач налаживает квинты.
Жизнь движется, привычна и легка.

Объят закатом Сад в Эссентуках.
Всё — только миг. Но миг иной никак
В своём закате нам не уместить.

Все атомы пространства — квинты.
...Но отчего же: скрипка — и рука —
и окна — и мельканье тальника

Не удержать его в оправе плоти!
Огнём истерзанный, он трепетен, полётен.
И беззащитен...
Как желанье жить.

«УХОДИТ МАСТЕР, ВЕЧНОСТЬ ОБРЕТЯ...»

4 сентября Лоренсу Ивановичу Блинову исполнилось бы 85 лет. Талантливого поэта и композитора не стало 24 декабря прошлого года. Родным, близким и поклонникам творчества Лоренса Блинова в это сложно поверить — в свои восемьдесят с хвостиком он был бодр, активен, полон сил и планов. Его творческие вечера в казанском литературном кафе «Калитка» Центральной библиотеки собирали аншлаги, а бьющей ключом энергии завидовали молодые. «Бесподобный Лоренс Иванович Блинов в „Калитке“! Живая легенда, лидер казанского поэтического андеграунда 70–80-х годов, футурист, истинный интеллигент, композитор, философ, тонкий поэт и добрейший человек, — делился о вечере Блинова в 2016-м казанский поэт Филипп Пираев. — Вот они — мгновения прикосновения к прекрасному!». Или вот ещё один отклик с того же вечера, принадлежащий автору этих строк: «В „Калитке“ Лоренс Иванович Блинов. 80-летний, в отличной форме, с ясными глазами и мыслью, читающий наизусть стихи свои, брата Владимира и любимого Велимира Хлебникова. Легендарный поэт, композитор, философ, педагог, основатель казанского андеграундного поэтического сообщества имени Хлебникова „ПоСоХ“, просуществовавшего с 1973 по 1985 год. Собирались на квартире у Блиновых, на Свердлова, 100 (потом я прочла, что квартиру эту Блиновым, где к концу войны подрастало шестеро детей, выделили в течение 24 часов по распоряжению Сталина, которому мама Лоренса написала личное письмо). Философия творчества Лоренса Ивановича чем-то близка философии буддизма. Смысл поэзии — запечатлеть миг и переживания этого мига, из которых и складываются века...»

В марте этого года в казанском литературном кафе прошёл вечер памяти Лоренса Блинова. И опять — отклик автора по горячим следам того дня:

«Сегодня в „Калитке“ звучали стихи, музыка и воспоминания о Лоренсе Ивановиче Блинове — необыкновенном человеке, поэте космоса, музыканте-экспериментаторе, философе, педагоге и учёном. Да-да, учёном: как оказалось, у Лоренса Ивановича даже имеется медаль за вклад в освоение космоса! О семье, музыкальных пристрастиях и выступлениях, стихах, встречах и многом другом рассказывали дочери поэта Лина и Юлия Блиновы, супруга Людмила Фёдоровна, с которой Лоренс Иванович прожил более полувека,

Геннадий Васильевич Пронин, основатель и директор музея Константина Васильева, казанские литераторы Эдуард Учаров, Алексей Остудин, Александр Воронин, Айрат Галимзянов, Рустем Сабиров, Айрат Бик-Булатов, Самуил Шер и другие. В исполнении Лины и Юлии Блиновых (фортепиано плюс чтение стихов) прозвучала созданная их отцом музыкальная композиция на 12 стихотворений Велимира Хлебникова. Издатель Илья Чирков на собственные средства напечатал несколько экземпляров книги «Зеркала музыки», которую поэт не успел издать при жизни... По признанию выступающих, это был вечер, на котором продолжает жить поэзия, музыка Лоренса Ивановича Блинова.

На обложке книги «Зеркала музыки» читаем: «Новый поэтический сборник Лоренса Блинова достаточно своеобразен — он весь посвящён музыке. В нём автор с помощью образно-поэтических средств демонстрирует возможность художественного сопряжения двух ипостасей: Музыки и Поэзии. Направляя эти два зеркально родственных феномена в общий поток музыкально-поэтического движения, автор словно бы пробуждает некий „Орган Вселенной“, сливая внезапно „в одно дыхание и Звук и Слово“».

Галина БУЛАТОВА